

Только для девчонок

Светлана Лубенец

Золотая девочка

«Автор»

2008

Лубенец С. А.

Золотая девочка / С. А. Лубенец — «Автор», 2008 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-27887-9

Люсьена Караваева жила просто, без приключений, как самая обыкновенная девчонка. И вдруг... Столько событий в одно и то же время! Сначала взрывы на дискотеке, затем в ее классе таинственно исчез журнал. И в довершение всего... в дом Люсьены проник вор. Он не взял ничего, кроме маленькой глиняной статуэтки. Вскоре воришка забрался и на дачу. Люсьена решает активно действовать – и пытается поймать вора. Но обнаруживает, что им является тот мальчишка, который ей так нравится... Как поступить? Разлюбить его? Представить, что это не он, и свалить вину на другого? Но больше всего хотелось Люсе, чтобы ее любимый мальчик оказался ни в чем не виноват...

ISBN 978-5-699-27887-9

© Лубенец С. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лубенец Светлана Золотая девочка

Глава 1 Три взрыва на дискотеке

Люсьена Караваева, или попросту Люська, сидела на кухне и пила молоко. Вообще-то она молоко терпеть не могла, но сегодня был такой отвратительный день, что ей захотелось испортить его окончательно и бесповоротно.

Все дело было в том, что в школе Люська поссорилась со своей лучшей подругой Наташей Драгомиловой. Коварная Наташка получила за контрольную по алгебре «пять», а она, Люська, почему-то «два», хотя списала уравнения с присланного подругой листка тютелька в тютельку, циферка в циферку. Само собой разумеется, что после такого предательства Люська во всеуслышание заявила, что Драгомилова ей больше не подруга, потому что настоящие подруги так не поступают. Теперь Люська запивала свое горе отвратительной белой жидкостью и думала, как отомстить подлой Наташке.

Стакан уже на две трети был пуст, а Люська так ничего и не придумала. Она подошла к окну и выглянула во двор. В возмущении от того, что увидела, Люська со всего маху шлепнула стакан доньшком о подоконник. Молоко с отвратительным чмоканьем подпрыгнуло и выскочило прямо на джинсы. Люська при этом с каким-то злорадным удовлетворением подумала, что день, как она того и добивалась, испорчен наконец на все сто, и сконцентрировалась на парочке, которая стояла посреди двора у сломанных качелей. Это были вышеупомянутая бывшая подруга Наташка Драгомилова и Денис Стельманчук из 9 «Б». Ошибки в алгебраических уравнениях Наташкиной записки показались Люське детсадовской шалостью по сравнению с этим, куда более грандиозным предательством.

Стельманчуку Люська уже битых две недели строила глазки. Он уже почти начал реагировать нужным образом на все ее «ужимки и прыжки», как вдруг его взяла да и перехватила Драгомилова.

А ведь как все хорошо начиналось! Они с Наташкой в позапрошлый понедельник решили, что им давным-давно пора влюбиться. Дожили до четырнадцати лет, а любви до сих пор ни в одном глазу. Прямо стыдно перед классическими образцами – Джульеттой там и... прочими. В поисках подходящих объектов они сначала перебрали своих одноклассников и забраковали всех до единого. Оно и понятно: как можно влюбиться в Рябушинского, Изотова или Карамышева, вместе с которыми в младшей группе детского сада манную кашу по столам размазывали да на горшках рядом сидели? Пришлось обратить свои взоры на 9 «Б» и 9 «В». После бурного обсуждения кандидатур остановились на двух: Денисе Стельманчуке из 9 «Б» и Артеме Каретникове из 9 «В». Люське больше нравился блондинистый Стельманчук, а Наташку вполне устраивал Каретников. И вдруг такое!

Ну, погоди, Наташка! Ладно! Она, Люська, тоже не лаптем щи хлебает. Она пожертвует Денисом, так и быть. Зато завтра, на дискотеке в честь окончания первой четверти, она уже больше тянуть резину и полагаться на долгие взгляды не станет, а прямо с ходу пригласит на первый же медленный танец Каретникова. Пусть у него нет таких белокурых кудрей, как у Дениса, но, в общем-то, он тоже очень даже ничего.

На этом Люська несколько успокоилась. Она еще раз глянула на Наташку как можно презрительнее, будто та могла ее взгляд заметить, и пошла замывать молочные разводы на джинсах.

Дисотека была уже в самом разгаре, а Люська так и не сумела заставить себя подойти к Артему. Он был в гуще «вэшников» и на Караваеву, естественно, не смотрел, а, похоже, был увлечен своей одноклассницей Лизой Малиновской. Наташка же уже несколько раз танцевала со Стельманчуком.

Когда Денис в очередной раз направился к Драгомиловой, Люська наконец решилась. Ноги у нее тряслись, щеки горели. Хорошо, что в полутемном зале никто этого не мог заметить. Она уже довольно близко подошла к Артему, когда совсем рядом с ними, откуда-то из-под плотно стоящих у стен стульев, раздался взрыв. В темноте никто ничего не понял. Девчонки завизжали, многие бросились к выходу. Люську и еще двух девчонок из 9 «В» уронили на пол. Артем поднял одноклассниц по очереди за руки, и они тоже понеслись к выходу. Люська же, которая уже догадалась, что это не террористический акт, а всего лишь взрыв обыкновенной ларечной петарды, решила еще полежать на полу, чтобы дожидаться помощи Артема.

– Вставай, Караваева, – Каретников наконец подал руку и ей.

Люська скривилась:

– Ногу больно...

– Ушиблась, что ли?

– Не знаю... Может, вывих...

– Держись за меня. Потихоньку поднимайся.

Люська, у которой ничего не болело, с оханьем и легким постаныванием стала вставать с пола, вцепившись в рукав Каретникова.

– Ну как? – спросил Артем. – Идти-то можешь?

– Не знаю... – пролепетала Люська, пытаясь делать шаги. Она так натурально прихрамывала и попискивала, что Артем испугался:

– Может, у тебя перелом? Пойдем-ка в медкабинет.

– Какой медкабинет вечером? Медсестра уже давно дома телевизор смотрит, – возразила Люська и огляделась.

В зале уже зажгли свет. Физрук Леонид Борисович вместе с учителем физики Петром Михайловичем раздвинули ряды стульев и действительно вытащили оттуда ошметки китайской петарды.

– Вот идиоты! – глядя на петарду, раздраженно пробурчал Каретников. – Такую дискотеку испортили, взрыватели!

Люська поняла, что Артем выходит из-под контроля, и усиленно захромала около него, снова тихонько постанывая.

– Ну что? – опять вынужден был заняться ею Каретников. – Больно? Давай я тебя быстренько домой отведу. Может, еще назад успею...

Возвращение Артема на дискотеку в Люськины планы не входило, и она захромала так, будто одна нога у нее была короче другой сантиметров на двадцать.

А в зале уже опять погасили свет, врубили музыку. Свободное пространство в центре начало заполняться танцующими парами. Люська изо всех сил опиралась на руку Каретникова, и он, с тоской оглядываясь на Лизу Малиновскую, потащил Караваеву к выходу. Они подошли уже почти к самым дверям, когда в коридоре послышался второй взрыв, а потом, из гардероба, третий. Разумеется, после такого салюта дискотеку директор прикрыла, и Артем, уже никуда особенно не торопясь, пошел провожать Караваеву до дома. У подъезда он спросил:

– Дальше-то сама дошкандыбаешь или до квартиры подбросить?

Люська набрала в грудь побольше воздуха и решила действовать напрямик.

– А тебе не кажется, Артем, что это судьба? – спросила она каким-то деревянным от смущения голосом.

Каретников в недоумении уставился на Люську:

– Какая еще судьба? Ты про что?

– Ну... про то, что мы с тобой оказались рядом в момент взрыва.

– И что? – не понял Артем.

– Как это что? Говорю же: судьба нас свела.

Поскольку Артем продолжал непонимающе хлопать глазами, Люська была вынуждена пояснить:

– Ну... как Роуз с этим... ну, в общем... с тем, которого Леонардо Ди Каприо играет. В «Титанике». Понимаешь?

Каретников наконец вышел из оцепенения и громко рассмеялся:

– Ну ты даешь, Караваева! У тебя совсем крыша стронулась с этим «Титаником»! Потвоему, китайская петарда – судьба?

– А ты думал, что судьба – обязательно нечто грандиозное, да? Небо разверзается и оттуда – указующий перст божий? Как же, жди! Судьба – это, например, черная кошка или вот... наша петарда!

– К чему ты несешь эту чушь, Караваева? Что-то никак не пойму!

Люська вздохнула, уже не притворно, а по-настоящему, и сказала:

– Ничего я не несу. Я просто... предлагаю не противиться судьбе и... пойти вдвоем, через неделю, на спектакль «Лекарь поневоле». Помнишь, Нина Антоновна советовала. Ставит театр «Буфф». Мне мама обещала купить билеты.

– То есть ты вроде как меня приглашаешь? А, Караваева? – опять изумился Артем.

– Приглашаю, – отозвалась Люська. – Только у меня имя есть и, между прочим, очень красивое.

– Люська – это нынче красиво?

– Не Люська, а Люсьена, ясно?

– Люсье-е-ена? – громко протянул Каретников. – Ну, Люсьена действительно получше Люски будет.

Он чуть отодвинулся от Караваевой и стал оглядывать ее с головы до ног и обратно.

– Чего уставился? – поежилась Люська. – Скажешь, что я слишком рыжая?

– Скажу! Ты, без всякого сомнения, рыжая!

– А мама говорит, что я не рыжая, а солнечная, золотая.

– Так то мама...

Люська поняла, что партия проиграна. Конечно, она никакая не золотая, а рыжая, с непослушными кольцами густых волос и россыпью веснушек по круглому лицу. Про таких говорят – на любителя. Каретников явно любителем Люсек не был. Караваева повернулась к нему спиной и, позабыв про хромоту, шагнула к подъезду, но Артем вдруг задержал ее за рукав:

– Ну ладно, золотая, давай сходим на «Лекаря». Так и быть. Против судьбы не попрешь!

Глава 2

У каждого свои тайны

На каникулах Караваева отчаянно скучала. С Наташкой она больше не водилась, а Настя Калетина, с которой Люська всегда была в легких приятельских отношениях, с первого сентября находилась в санатории. Там она лечилась и училась одновременно. Люська очень жалела, что назначила Артему свидание через неделю. После дискотеки у хорошо освещенного подъезда она смогла как следует разглядеть его и действительно поверила в судьбу. Каретников ей понравился. Он был явно лучше белокурого Стельманчука: выше, шире в плечах, и глаза у него были хорошие – яркие, карие и... добрые.

Люська, изнемогая от безделья, за четыре дня каникул проглотила три любовных романа, два детектива и даже перечитала во второй раз «Евгения Онегина», которого они скоро будут проходить по литературе. Перевернув последнюю страницу пушкинского романа, Люська откинулась на подушки дивана и закрыла глаза. Ей представилось, как они с Каретниковым идут по улице в театр, а из-за угла школы вдруг выбегает Денис Стельманчук с пистолетом в руке и кричит:

– Стой! Стрелять буду!

Артем тут же выхватывает свое оружие, но Люська не дает ему стрелять. Она бросается вперед, закрывает его своим телом и кричит в ответ Денису:

– Прости! Я другому отдана и буду век ему верна!

Тут откуда ни возьмись в длинном платье с открытыми плечами и тоже с пистолетом в тонкой руке появляется бывшая подруга Наташка Драгомилова и вероломно стреляет в Люську. Караваева падает и немедленно начинает умирать. И она наверняка умерла бы до конца и насовсем, если бы Драгомилова не начала ее дико и безжалостно трясти за простреленное плечо.

– Люся! Люся! Да проснись же ты наконец! – Наташкин голос непостижимым образом превратился в мамин, и Караваева очнулась.

– К тебе пришли, – сказала мама, подтолкнула к дивану Люськину одноклассницу Лену Прокопчину и вышла из комнаты.

Лена Прокопчина, бессменная староста 9 «А» с пятого класса, была человеком очень серьезным и строгим. Просто так, ни с того ни с сего, заявиться к Люське в гости она не могла.

– Лена? – удивилась Караваева, с трудом отходя от удивительного сна. – Что-нибудь случилось? Я куда-нибудь забыла прийти... на какое-нибудь собрание?

– Ничего не случилось, – как всегда, скупно улыбнулась Лена. – Просто... мне с тобой поговорить надо. С глазу на глаз. Без свидетелей.

Люська мучительно вспоминала, где она все-таки дала маху. Старосты по пустякам с глазу на глаз разговаривать не приходят.

– Н-ну... я слушаю, – Караваева поднялась с подушек дивана, села, железно выпрямив спину, и уставилась на горшочек с фуксией, который стоял на полочке ее секретера.

– Люсь...

Голос Прокопчиной вместо назидательного показался Караваевой жалобным. Люська осторожно перевела взгляд с фуксии на старосту и окончательно растерялась. Лена смотрела в пол, а руки ее скручивали в узел длинные ремешки сумочки.

– Люсь, – повторила она, не поднимая глаз, – ты... ты не могла бы мне помочь?

– Я? – удивилась Люська.

– Ну да... ты...

– Чем? Да что случилось-то? – продолжала круглить глаза Караваева.

- Ну... в общем... ты не могла бы поменяться со мной местами?
- В каком смысле? – ужаснулась Люська, представив себя старостой.
- В обыкновенном. Ты в классе сядешь к Изотову, а я... на твое место...
- А-а-а... – протянула Люська. – А зачем?
- Ну... – Лена начала скручивать в рулет длинную мягкую сумочку. – Могла бы догадаться...
- Могла бы, – согласилась Люська, – но... что-то у меня никак не получается...
- Понимаешь... мне бы хотелось сесть к... Лаевскому... Ну... в целях помощи ему как неуспевающему... – Ленины щеки покрылись таким багровым румянцем, на какой даже Люськино бледное лицо было не способно.
- А-а-а... – в полном недоумении опять протянула Караваева, а потом вдруг мгновенно все поняла и хитро улыбнулась: – Как неуспевающему, говоришь?
- Конечно... Ведь если он подтянется, то... и всему классу тоже будет хорошо...
- Это чем же? – уже в голос рассмеялась Люська.
- Зря смеешься, между прочим. – Лена ерзала на диване так, будто сидела не на нем, а на раскаленной сковородке. – Мы тогда среди девятых классов станем лучшими по успеваемости... и сможем поехать на следующих каникулах на экскурсию в Новгород. Помнишь, директриса говорила на общешкольном собрании?
- Брось, Ленка! – Караваева подседа вплотную к старосте и взяла ее под руку. – Какой там Новгород! Я же не слепая. Ты в него влюбилась, в Лаевского? Во даешь! Староста – и в самого двоечника... Класс!
- Почему сразу влюбилась? – не сдавалась Прокопчина, но по ее лицу было件нятно, что Люська попала в самую точку.
- Конечно, влюбилась! Все же видно невооруженным глазом!
- Лена вскочила с дивана, намереваясь уйти, но Люська усадила ее обратно.
- Лен, слушай! Вот – честное слово, я никому ничего не скажу и запросто могу пересесть к Изотову. Только как ты себе это представляешь? С чего вдруг я пересяду?
- Староста посмотрела на Люську своими серьезными темными глазами и глухо спросила:
- А ты точно... никому?... Даже Драгомиловой?
- Могила! – Люська для убедительности прижала обе руки к груди. – А с Наташкой я вообще-то поссорилась. По-моему, все в курсе. Я не скрываю.
- Я, знаешь, думала, что ты, может быть, громко, на весь класс, попросишь меня поменяться с тобой местами...
- Ну конечно! – возмутилась Люська. – Вот так придумала! Изотов тут же себе что-нибудь навоображает про меня!
- Нет-нет, ничего не навоображает, если ты скажешь... что с доски плохо видишь, например. А, Люсь?
- Плохо вижу? У меня, между прочим, со зрением все в порядке. Но сказать, конечно, могу. Лен! А как тебя все-таки угораздило: отличницу – и в «позор класса»? – Лена вздрогнула, и Караваева поспешила заметить: – Ты же сама его на собраниях так клеймила...
- Не знаю, Люся, как это получилось. – Глаза Лены заблестели слезами. Чувствовалось, что староста неимоверным усилием воли не дает им пролиться. – Я поначалу действительно думала о нем как о «позоре класса», но довольно часто... ну... как староста. А потом, наверное, привыкла все время о нем думать.
- А что... – Люська представила себе «позор класса». – Он, если... ну... отвлечется от его лени, пожалуй, и ничего... Мы как-то все его за человека не считаем... – Она спохватилась, что говорит несколько не то, и добавила: – Ты уж не обижайся, но это так.
- Я и не обижаюсь, – печально повела плечами Прокопчина. – Я и сама его за человека не считала.

– Ладно, Лена! – подвела итог Люська. – Я сделаю все, как ты хочешь, потому что очень хорошо тебя понимаю. Я тоже могла бы многое сделать для одного человека... Впрочем, это к делу не относится.

– Тогда я, пожалуй, пойду, – староста встала с дивана, обратив на Люську тревожные глаза.

– Я же сказала – могила! – еще раз успокоила ее Караваева.

Когда Лена ушла, Люська опять улеглась на подушки и задумалась о своем соседе по парте. «Позор класса», или иначе Филя Лаевский, имел еще прозвище Киркор. Он был похож на знаменитого певца не только именем. У него было такое же несколько женственное лицо, кудрявые смоляные волосы до плеч и вишнево-карие глаза навывкате. Несмотря на столь яркую внешность, Филя успехом у девочек не пользовался, да и среди парней особых друзей не имел. И все потому, что был ленив до безобразия. По причине этой своей лени он практически не участвовал ни в каких классных мероприятиях, никуда с одноклассниками не ходил и не ездил. Исключение составляли дискотеки, на которых он, правда, никогда не танцевал – то ли все из-за той же лени, то ли потому, что давно перестал кого-либо интересовать.

Киркор прозывался «позором класса» на том основании, что имел двойки по всем предметам и дотасился до девятого класса только благодаря усилиям классной руководительницы. Нелли Игнатьевна почему-то симпатизировала ему, отстаивала на всех педсоветах и ежегодно выгораживала перед школьным родительским комитетом. Киркор ее самоотверженности абсолютно не ценил, «домашки» постоянно списывал с Люськиных, а на уроках разгадывал кроссворды, журналами с которыми вместо учебников набивал свой огромный рюкзак.

Староста Лена Прокопчина проводила с Филей бесконечные воспитательные беседы, но успех они имели такой же, что и неутомимая деятельность Нелли Игнатьевны. Филя молча выслушивал Лену и по окончании мероприятия тут же сосредоточивался на очередном кроссворде вместо геометрии или физики. Люська слышала, что матери часто из всех своих детей больше любят именно больных и увечных, по причине жалости к ним и потому что с ними приходится очень много возиться. Наверное, поэтому обожала Филю Нелли Игнатьевна и поэтому полюбила его строгая и правильная староста Лена Прокопчина. Другого объяснения Лениной любви Люська не находила.

Глава 3

Пропажа классного журнала

В понедельник после каникул Люська бежала в школу радостная и озабоченная одновременно. Во-первых, она соскучилась по всем. Наташка уже не казалась такой подлой. Люська была даже не прочь с ней помириться, тем более что Стельманчук ее больше не интересовал. Она могла совершенно спокойно подарить его Наташке. Пусть пользуется. Люська хотела побыстрее увидеть Артема и боялась встречи. Вдруг он ее высмеет, выставит на посмеище... Пацаны – они такие. Они это могут. Во-вторых, Люська должна была выполнить данное Прокопчиной обещание, а потому на разные лады проговаривала в уме фразу о своем внезапно вдруг ухудшившемся зрении.

– Здорово, золотая! – услышала Люська знакомый голос, вздрогнула и обернулась. Ее догонял Каретников.

– Ну, как нога? – спросил он.

– Н-нормально, – неожиданно вдруг стала заикаться Люська. Она совершенно забыла, какой спектакль устроила на дискотеке для Артема. – Ты з-знаешь... б-был вывих... кажется. Но за неделю совершенно прошел! – обрела она под конец твердость в голосе.

– В театр-то дохромаешь? Не забыла приглашение? – Артем опять оглядел Люську с головы до ног, но она уже больше не ежилась, потому что видела – взгляд у него веселый и теплый.

– Не забыла. У нас седьмой ряд партера. Встречаемся у школы в шесть вечера.

– Заметано! – крикнул Артем и скрылся в гардеробе.

В классе на вошедшую Караваеву никто не обратил внимания, поскольку все, сбившись в кучу, что-то громко обсуждали. Люська бросила рюкзачок на парту и подошла к одноклассникам.

– Я не собираюсь никакие экзамены сдавать! – горячился Ромка Изотов, один из товарищей Люськи с Наташкой по детсадовским горшкам и манной каше. – Пусть те уроды, которые такую подлянку устроили, сами их и сдают!

– Может, поможешь их вычислить? – с издевкой спросила Драгомилова.

– А это не мое дело. Пусть ментов вызывают, собак всяких служебных!

– Да что случилось-то? – не вытерпела Люська.

– Ты что, Люся, ничего не знаешь? – удивилась Наташка.

Люська поняла, что случилось что-то ужасное, из ряда вон выходящее, поскольку Драгомилова забыла про ссору и даже назвала ее Люсей. Испуганная Караваева отрицательно помотала головой.

– Понимаешь, – повернулась к Люське Лена Прокопчина, – куда-то пропал наш классный журнал.

– И что? – не оценила всю серьезность ситуации Люська.

Прокопчина выразительно покачала головой, поразившись недогадливости Караваевой:

– Да ты что, Люся? Журнал-то пропал с отметками за первую четверть! Похоже, все предметы пересдавать придется!

– Да ну? – Люська до невозможности округлила свои и без того круглые глаза, а щеки ее, как всегда от испуга, зажглись ярким румянцем. Отметки за первую четверть у Люськи были не очень... Даже два тройка имелись – по алгебре и по физике. Люська как раз собиралась со второй четверти несколько поднажать на учебу, чтобы вытянуть аттестат получше. Пересдавать предметы еще и за первую четверть ей не улыбалось, как и Ромке Изотову.

– Надо выяснить, кому выгодна пропажа журнала, – начала соображать Люська.

– Точно! – подхватил Изотов и обернулся к Филе Лаевскому: – Колись, великий артист, твоя работа? Больше вроде некому: у тебя «гуси-лебеди» по всем предметам.

По своей привычке томно растягивая слова, Лаевский проговорил:

– Во кретины! Это ваши отметки трудно восстановить, а у меня – только два наименования оценок имелись: «два» и «один», училки не ошибутся. Так что красть журнал мне без надобности. Думать-то надо хоть иногда!

– Если ты такой умный, – ядовито заметила Драгомилова, – может, сообразишь заодно, кто такую надобность имел?

Филя, вальяжно развалившись за партой, завел яркие глаза под потолок так, что засверкали молочно-голубые белки, и, цедя слова по одному, изрек:

– Фамилии я вам, конечно, не назову, но, думаю, это сделал тот, кто на дискотеке петарды рвал.

– С чего ты взял? – не увидела никакой связи Лена.

– С того! Петарды наверняка были отвлекающим маневром. Неужели трудно догадаться? – Филя с жалостью посмотрел на бестолковых одноклассников. – Ну! Шевелите мозгами! На взрывы вся школа сбежалась, а журнальчики, между прочим, в учительской без охраны оставались.

– Брось, – махнула рукой Люська. – Петардами наверняка 8 «Б» баловался. Они всю неделю перед каникулами с ними носились. Помните, даже в столовой один раз рванули? А зачем 8 «Б» наш журнал?

– То-то и оно, что это не 8 «Б», – продолжил Филя. – 8 «Б» вообще на дискотеке не было. Их классная в Пушгоры на два дня увезла. Специально, чтобы от этих петард отвлечь и загрузить «высоким, добрым и вечным».

– Ну, Киркор! Ну, ты прямо Ларин, Волков и Дукалис в одном лице! – восхитился Изотов. – Непонятно только, почему учишься на одни «колы». Ну-ка, поскрежещи еще мозгами: если не 8 «Б», то кто?

Филя от такой похвалы порозовел и еще более глубокомысленно произнес:

– Кроме вас, – Лаевский картинно выбросил вперед руку с пальцем, направленным на одноклассников, – журнал никому не нужен. Преступник среди вас!

– Нет, ребята, это не наши, – решительно отмела подозрения Киркора Лена. – Петардами у нас с седьмого класса никто не увлекается, а на дискотеку мы все вместе пришли и вместе танцевали. Никто никуда не выходил и никаких подозрительных действий не совершал.

Киркор, оторвавшись от очередного кроссворда, сатанински расхохотался:

– Ха-ха-ха! Подозрительные действия! Вы рассуждаете, как грудные дети. Неужели не догадываетесь, что петарды были подложены заранее?

– Ага! А управление у них – дистанционное, прямо из родного Китая! – рассмеялся Изотов.

– Дешевенький у тебя юморок, Ромашка, – снисходительно заметил ему Филя. – Не соображаешь? Во всеобщем веселье да в темноте поднести зажигалку к запалу – раз плюнуть!

Люська хотела сказать, что так же, как и Лена, не видит связи между взрывами петард и пропажей журнала, но в класс вошла Нелли Игнатьевна, и началась геометрия. Вместо журнала учительница ставила отметки в свою тетрадку, а на вопросы об экзаменах за первую четверть отвечать отказалась.

– Ничего не знаю. Как директор решит, так и будет. А вообще-то... – Нелли Игнатьевна обвела взглядом класс. – Отдали бы вы журнал, ребята!

– Мы журнал не брали, – встала со своего места Лена. – А вот вы, Нелли Игнатьевна, скажите нам: уже выяснили, кто на дискотеке петарды взрывал? Вы ведь дежурили в зале, кажется?

– Нет, к сожалению, виновников так и не нашли. Но похоже, что злоумышленник был не из нашей школы. Мы, как всегда, чужих старались не пускать, но они, сами знаете, все равно всеми правдами и неправдами просачиваются. Дежурные старшекласники видели чужого паренька в какой-то там необычной одежде... я в этом не разбираюсь... Впрочем, дискотека и петарды не имеют никакого отношения к геометрии, а у нас урок. Вы не забыли? К доске прошу... Наташу Драгомилову!

Пока Наташка у доски с трудом отходила от каникулярного безделья, Люська пыталась припомнить, что она видела вокруг, когда на дискотеке шла приглашать Каретникова: пары... пары... Драгомилова со Стельманчуком, Ромашка с Прокопчиной... Киркор, сидящий на краю сцены... А рядом с ним... точно, был кто-то в идиотской толстовке, то ли с черепом, то ли со скелетом. Люська тогда еще подумала, как можно напяливать на себя такую гадость? Лица и парня Люська, как ни напрягалась, вспомнить не могла. Скорее всего, он ей был абсолютно незнаком. Но если даже предположить, что именно этот чужак взорвал в их школе петарды, то с пропажей журнала это никак не вяжется. Зачем ему журнал 9 «А»? Нафантазировал Филя, накрутил. Эх, придется, видно, сдавать экзамены за первую четверть!

Люська вдруг сообразила, что так и не произнесла обещанную Прокопчиной фразу на предмет внезапно вдруг ухудшившегося зрения. Она покосилась на Киркора, виновато глянула на русский затылок старосты и дала себе еще пару минут на то, чтобы собраться с духом. Когда Наташка с весьма жалкой тройкой пошла к своему месту, Люська решила, что настала наконец пора выполнить свое обещание.

– Нелли Игнатьевна! – обратилась она к учительнице, которая пробегала глазами список в своей тетрадке в поисках новой жертвы взамен Драгомиловой. – Разрешите мне, пожалуйста, пересесть поближе, а то я почему-то стала... плохо видеть, что на доске написано... – И Люська весьма выразительно потерла глаза рукой.

Нелли Игнатьевна оторвалась от своей тетради, Лена повернула к Люське испуганное лицо, а Киркор по такому неординарному случаю даже оторвался от кроссворда и с большим интересом уставился на соседку.

– Надо сходить к врачу, Люся, – сказала Нелли Игнатьевна и заскользила взглядом по классу в поисках подходящего для Караваевой места. – Куда же тебя посадить...

Люська, испугавшись, что учительница может найти ей совершенно неподходящее место, с весьма фальшивой интонацией поспешила обратиться к Прокопчиной:

– Лена, может быть, ты согласишься поменяться со мной местами? Мне кажется, что с твоего места я все увижу.

Лена подскочила как ужаленная и совершенно больным голосом ответила:

– Конечно, Л-люся, если Нелли Игнатьевна не возражает...

– Не возражаю, – учительница обрадованно закивала головой, поскольку вопрос решился очень быстро и не надо было больше тратить на Караваеву драгоценное время урока.

Совсем иначе, очевидно, посмотрел на это дело Изотов. Когда Люська потащила свои манатки на новое место, он развалился на парте и поглядывал на суетящуюся Караваеву снисходительно и даже как-то покровительственно и собственнически. Он, конечно, совершенно не «повелся» на ее заявление о внезапно ухудшившемся зрении, поскольку не далее как на прошлой неделе Люська, стреляя из малокалиберной винтовки из положения лежа, выбила двадцать восемь очков из тридцати возможных. В тир 9 «А» водил преподаватель ОБЖ, но девочки об этом так мало значащем для них событии совершенно забыли.

Когда закончилась геометрия, Люська рассказала одноклассникам про толстовку со скелетом.

– Журналы, петарды, скелеты... Тайны средней школы! Меньше триллеров смотрите на ночь, – презрительно произнес Ромка Изотов, подмигнул Караваевой и первым отправился на физкультуру.

В раздевалке спортивного зала к Люське подошла Драгомилова. Поскольку они уже разговаривали друг с другом при обсуждении проблемы пропавшего журнала, Караваева не стала припоминать Наташке старое и дружелюбно улыбнулась. Подруга облегченно разулыбалась в ответ и заинтересованно спросила:

– Люсь! Ты зачем к Изотову пересела?

Караваева вздохнула. Ее томила чужая тайна, но раскрыть ее Люська все же посчитала невозможным даже лучшей подруге. Она вспомнила глаза Лены, полные непролитых слез, и ответила следующее:

– Я же не спрашиваю тебя, по какому случаю ты ходишь под крендель со Стельманчуком, хотя мы договаривались совсем по-другому.

– Ну Люсь... так получилось... – Наташка виновато заглядывала в Люськины глаза, как только они показывались из-под снимаемой блузки или выныривали из ворота надеваемой на физкультуру футболки. – Понимаешь... мы из автобуса вместе вышли, разговорились, ну и...

– Все ясно! Можешь не продолжать! – оборвала ее Люська. – Я слишком хорошо тебя знаю! Конечно, Денис просто не мог устоять под твоим напором!

– Ну Люсь...

Драгомиловой было нечего возразить. У нее был такой несчастный вид, что Люська рассмеялась:

– Так и быть, я не обижаюсь! И даже свою «пару» по алгебре тебе прощаю!

Наташка на радостях чмокнула вновь обретенную подругу в розовую щеку, но все-таки решила уточнить:

– А Изотов-то тебе к чему? Ты же не думаешь, что я поверила в твое плохое зрение?

– А может быть, Ромка мне нравится?

– Ну уж нет! – убежденно произнесла Драгомилова.

– Почему это? Вон он какой: отмытый, отглаженный, ровненько остриженный. Неужели ревнуешь?

Наташка, за которой Изотов последнее время ходил, как преданный четвероногий друг, фыркнула:

– Больно надо! Тем более теперь, когда... ну ты понимаешь...

– Конечно, понимаю. Где уж Ромке тягаться со Стельманчуком! Вот я Ромашечку и утешу!

– Хватит, Люська! – рассердилась наконец Драгомилова. – Я серьезно спрашиваю: зачем ты пересела к Изотову?

– Понимаешь, Наташа... – начала сочинять на ходу Люська. – Мне Киркор до смерти надоел со своими кроссвордами. Прямо сил нет! А на геометрии привязался... ты не представляешь... как будет «вождь» по-вьетнамски. А я знаю? Я ему прямо так и сказала, не отстанешь – пересяду!

– Ну?

– Ну вот... он не отстал.

Неизвестно, поверила ли Драгомилова во вдохновенное вранье Люськи, но прозвучал свисток на построение, и подруги помчались в спортзал.

Совершенно неожиданно для всех физрук Леонид Борисович вышел к построению с журналом 9 «А».

– Ребята! Глядите, журнал! – обрадовалась Прокопчина. – Леонид Борисович, где вы его нашли?

– Представляете, за старыми стендами у мастерских валялся, – ответил учитель. – Случайно нашли. Стенды решили наконец выбросить, глядь, а там журнал!

– Ура-а-а! – закричали девятиклассники на разные голоса. – Долой экзамены! Да здравствует свобода!

– Леонид Борисович! А внутри все в порядке? – поинтересовалась дотошная староста Лена. – Никто двоек не наисправлял? Пятерок себе не наставил?

– В порядке журнал. Не волнуйся, староста, – физрук потрепал Прокопчину по плечу. – Завуч все проверила.

– Странно, – задумчиво произнесла Лена, но никому ее сомнения не были интересны. Одноклассники поняли, что экзамены отменяются, и радовались этому, как какие-нибудь малолетки.

Глава 4

Исчезновение глиняной Зинаиды

Ну и денек выдался! Папа уже неделя как в командировке, а Люська с мамой еле заснули сегодняшней ночью: им было страшно. Днем кто-то неизвестный побывал в квартире Караваевых. Люська, возвращаясь из школы, вышла из лифта на лестничную площадку и увидела, что дверь их квартиры не захлопнута, а только прикрыта. Она подумала, что мама за чем-то забытым забежала домой в обеденный перерыв и что они сейчас столкнутся с ней на пороге. Люська даже чуть приостановилась у дверей, ожидая ее появления, но мама не выходила. Люська шагнула в квартиру и громко крикнула:

– Ма-а-ма!

Никто не отозвался. Это было странно. Как мама могла оставить дверь открытой? Люська со всевозрастающей тревогой прошла в комнату. Все вроде бы стояло на своих местах, только шторы почему-то были задернуты. Но мама по утрам всегда первым делом раздвигала тяжелые бордовые шторы, чтобы ее любимые цветы, стоящие в горшках на всех свободных горизонтальных поверхностях мебели, получали дневной свет по полной программе.

Задернутые шторы Люське не понравились. Комочек земли на ковре – тоже. А когда она подняла глаза на книжную полку, то увидела, что нет на месте знаменитой дедушкиной глиняной балерины по имени Зинаида. Люське так страшно стало осматривать квартиру дальше в одиночестве, что она рысью бросилась к выходу и помчалась к маме на работу.

Мама, не откладывая дела в долгий ящик, прямо с рабочего места позвонила в милицию.

– Что украдено? – спросил ее голос в трубке.

– Н-не знаю точно... – растерялась мама. – Тут... дочь прибежала и...

– Мало ли чего ребенку примерещится! Пойдите домой и проверьте, прежде чем органы правопорядка беспокоить.

– Я не ребенок, – обиделась Люська, когда мама передала ей разговор с милицией. – Но даже ребенок смог бы заметить, что Зинаиды нет.

– Ладно, Люсь, он прав. Зинаида – не повод для беспокойства. У нас таких Зинок десятки.

– Но эта – моя любимая! – настаивала Люська, но мама уже не слушала ее. Она отпрашивалась у начальницы на пару часов по семейным обстоятельствам.

Возле дверей квартиры мама остановилась, огляделась и прижалась ухом к щели. Люська тут же прильнула к двери рядом. В квартире было тихо. Мама трясущимися руками вставила ключ в скважину замка и начала его медленно поворачивать, будто опасалась разбудить скрежетом заснувшего ненароком вора. Люська от страха сотрясалась всем телом в такт движениям маминых рук. Последний раз ей было так же страшно неделю назад, ночью, после просмотра фильма «Зловещие мертвецы», диск с которым ей дала Драгомилова.

В квартире по-прежнему мертвецов не было. И все оставалось так, как уже видела Люська: шторы – задернуты, комочек земли – на ковре, Зинаида – отсутствует. Но мама вовсе не была уверена в том, что в квартире никого нет.

– Сядь на диван и не двигайся, – прошептала она Люське.

Люська бочком прошла к дивану. Ноги у нее сами собой подогнулись, она упала прямо на подушку с вышитыми георгинами и, как советовала мама, замерла не двигаясь. Мама же с кошачьей грацией прокралась к окну и резко отдернула штору. За ней никого не было. Тогда она стала обходить комнату по кругу, методично открывая дверцы шкафов, где могла поме-

ститься человеческая фигура. Люська поворачивала голову вслед за мамиными перемещениями, и ей казалось, что она смотрит по видеку детектив с мамой в главной роли.

В комнате никто нигде не прятался. Мама, точно так же открывая всяческие двери и дверцы, обошла всю квартиру, вернулась в комнату, где сидела Люська, и начала не менее методично рыться в маленьких ящичках, шкатулках и коробочках.

– Мам! Неужели ты думаешь, что там может кто-то спрятаться? – изумленно прошептала Люська.

– Это у тебя юмор такой? – рассердилась мама. – Мне он кажется неуместным. Ты прекрасно понимаешь, что я проверяю, не украдено ли еще что-нибудь, кроме Зинаиды.

– А-а-а... – протянула Люська, которая вовсе не острела, а просто туго соображала от страха. Через некоторое время мама плюхнулась на диван рядом с дочерью и сказала:

– Странно. Ничего не украли, кроме Зинки. И кому она понадобилась?

– Мам! Теперь, когда ты все осмотрела, наверное, можно еще раз позвонить в милицию?

– Над нами посмеются, и все... но я попробую...

Люська тут же поставила телефонный аппарат маме на колени.

Разговор был недолгим. Слушая мамины вопросы и ответы, Люська поняла, что их странной кражей никто заниматься не будет.

– Наша Зинаида ничего не стоит, – положив трубку, расстроенным голосом сказала мама. – А у людей крадут золото, бриллианты...

– Вот ты бы и сказала, что Зинка стоит сто тысяч долларов! Кто проверит?

– Ты у меня стоишь сто тысяч долларов. Как я буду теперь тебя дома одну оставлять? С ума сойду от страха. Хорошо, что папа уже завтра приедет, он придумает что-нибудь... А сейчас сделаем так, – мама запустила руку в Люськину рыжую гриву, – я вернусь на работу, а ты погуляй до моего возвращения, к подружкам сходи... На ночь мы забаррикадируем дверь бабушкиным комодом... и еще чем-нибудь... Даже если полезут к нам опять, попотеют, пока отодвинут. Мы в это время успеем в милицию позвонить. А там и папа приедет!

Ночью, к счастью, никто в квартиру не рвался, но заснуть Люська с мамой никак не могли. Обе старались лежать тихо и друг дружке не мешать, но получалось это плохо: то диван у мамы скрипнет, то Люське вдруг кашлянуть захочется. Видимо, им обоим защита в виде бабушкиного комода казалась не слишком надежной.

– Мам! – Люська в длинной ночной рубашке явилась в родительскую спальню. – Мне страшно. Можно я с тобой лягу? – И, не дожидаясь разрешения, юркнула под мамино одеяло.

Некоторое время они лежали тихо, пытаясь заснуть, потом Люська начала вертеться, совершенно сбив набок простыню и наконец села, скрестив ноги и укутав их подолом рубашки.

– Мам! А как вы с папой познакомились? – спросила она.

– Ты же знаешь, мы в одной школе учились, – ответила мама, и Люська по голосу почувствовала, что она улыбается.

– Знаю, конечно... Но ты расскажи, как вы познакомились... Кто кого первым заметил и вообще...

– Конечно, я его, – рассмеялась мама, – но только он думает иначе.

– Как это?

– Так это! Я тебе сейчас расскажу, а ты потом у него поинтересуйся, как все тогда было. Очень интересно, что он тебе расскажет!

Люська приготовилась слушать, а мама, которой тоже не спалось, с удовольствием ударила в воспоминания:

– Твой папа, когда я его первый раз заметила в школе, учился в девятом классе, а я в восьмом, вот как ты...

– Мам, ты что? – перебила ее Люська. – Я ж в девятом!

– Ты забыла, что у нас тогда была десятилетка и наш восьмой равнялся теперешнему вашему девятому. Ну так вот! Я как увидела твоего будущего отца первого сентября на торжественной линейке в синих клешах со складочками, так и пропала...

– Мам, а что, в ваше время парни в расклешенных брюках ходили?

– Все ходили, и взрослые тоже. Правда, в школу их носить не разрешали, поскольку форма была обязательной. Папе только на первое сентября их удалось надеть, но мое сердце его клеша все-таки успели поразить. Представь: темно-синие, с широким поясом, как у тореадора, а внизу, там, где клеш, внутри складочек – по две пуговицы.

– Ну и навороты! Неужели тебе такое могло понравиться?

– Ты ничего не понимаешь, Люська! Тогда это называлось – высший попс!

– Попс? – рассмеялась Караваева. – Что за смешное слово?

– Ну... – мама замялась. – Попсово – это было все равно что у вас – клево... или супер... Понимаешь?

– Понимаю! Так ты, мамуля, оказывается, папу за модные брюки полюбила? За пуговицы в складочках?

– Брюки, Люська, были только первым ударом. Когда я от широкого пояса брюк подняла глаза выше, то была окончательно сражена папиными синими глазами, под цвет этих брюк. Они так здорово сияли над белоснежной водолазкой...

– А почему вдруг название такое – водолазка?

– Кто его знает... Может быть, потому, что у водолазов костюмы были без пуговиц спереди и с высоким воротом.

– Надо же! – удивилась Люська. – Чего только люди не придумают! А глаза у папы и сейчас красивые. Жаль, что мне твои, серые, достались.

– Ну, знаешь! Мои – они тоже ничего, – засмеялась мама и, дурачась, повалила дочку на постель.

Люська захохотала, вырвалась из маминых рук и спросила:

– Мам! Папа был в клешах и в водолазке... А ты? Тоже в чем-нибудь необычном?

– Нет, в самом обыкновенном. На мне были черная юбка в складочку и белая рубашка военного типа, с погончиками и блестящими пуговицами. А волосы завязаны в два хвостика с большими белыми капроновыми бантами. У меня даже где-то фотография с той линейки есть...

– Да ты что? – перебила ее Люська. – В девятом... то есть в восьмом классе – и с бантиками?

– Представь себе! У многих вообще косы были. Тогда с распущенными волосами никого и в школу бы не пустили.

– Почему? – опять удивилась Люська.

– Такие были порядки. Считалось, что в школе, где много пишут внаклонку, распущенные волосы будут мешать. Так, наверное, и есть на самом деле. Как ты думаешь?

– Ну... вообще-то... иногда мешают. Приходится их без конца за уши заправлять.

– Вот видишь! – сказала мама и замолчала, погрузившись в воспоминания.

Люська, которой было очень интересно, потеряла ее за руку.

– Ну, мама! Не вздумай заснуть. А туфли? Какие у тебя были туфли? Какой высоты тогда были каблуки? Какой формы?

– Каблуки-то? Каблуки, на которых тогда ходили все мои одноклассницы, назывались школьными.

– И какие же они были?

– Такие, которые наша бабушка сейчас любит: низенькие, толстенькие и устойчивые.

– Ой, не могу... – залилась смехом Люська, представив себя на линейке первого сентября в бабушкиных туфлях.

– Босоножки на каблучках мне впервые купили только к выпускному вечеру по поводу окончания восьмого класса, – продолжила мама. – Так я, представь, целый месяц по вечерам дома училась на этих каблучках ходить.

– Неужели в восьмом классе вам не хотелось как-то выделиться, ну... отличаться от ребят младшей школы? – удивилась Люська.

– Конечно, хотелось, но одеждой мы не могли выделиться. Повторяю тебе, неразумной, что у нас была строго обязательна школьная форма. Единственно, чем мы отличались от малышни, это школьными сумками. На них учителя с администрацией почему-то не посягали. Видимо, в их циркулярах сумки не были обозначены.

– Ну и? – подбодрила маму Люська, ожидая снова услышать что-нибудь удивительное, и не ошиблась.

– До восьмого класса все ходили с портфелями, причем не с такими цветастыми, как у нынешних младшеклассников, а с черными или коричневыми. А в восьмом девочки заводили себе школьные сумки. Они иногда продавались в магазинах и походили на кошельки для продуктов, тоже строго черного или коричневого цветов. А та девочка, которая не успевала купить себе такую сумку, кланчила у мамы хозяйственную, желательно тоже темненькую.

– И что? Так и ходили с хозяйственными?

– Бывало. У тети Веры была такая сумка.

– А у тебя?

– А мне мама купила настоящую, школьную. Верка мне здорово завидовала тогда.

– Мам, а мальчишки как же, так и ходили с портфелями до окончания школы?

– Кое-кто ходил, но высшим... – Мама покосилась на дочь и со смехом произнесла: – Но высшим попсом у них считалась плоская лепешкообразная папка на почти круговой «молнии».

– Что значит «папка»?

– То и значит, что папка – без ручек, ее под мышкой носят.

– Под мышкой? Без ручек? Так это ж неудобно!

– Возможно, зато попсово! А зимой на ней здорово было с горок ездить!

– И вы ездили?

– Ага! На папину мы вдвоем умудрялись садиться!

– Мам, ты так и не рассказала, как же вы все-таки с ним познакомились.

– А вот так, – продолжила мама. – У нас в школе тогда не было кабинетной системы, как сейчас у вас. Мы весь день учились в одном классе, если не считать физкультуру, домоводство, химию и иностранный, где класс разделялся на две группы. У нас только учителя менялись.

– А физика? Как же приборы? Лабораторные? – удивилась в очередной раз Люська.

– Был, конечно, специальный кабинет, но он предназначался строго для старшей школы. Восьмиклассников туда только на лабораторные и пускали.

– А домоводство, мам, что за предмет?

– Н-ну, вроде вашего труда для девочек.

– А-а-а... Мам, давай больше не будем отвлекаться, ладно. Рассказывай про папу!

– Ну так вот, представь: кабинетной системы нет, мы находимся на третьем этаже, а папин класс – на четвертом. Как быть? Как того удивительного молодого человека в синих клешах увидеть? И я зачастила на четвертый. Мне очень хотелось, чтобы он меня заметил.

– А он?

– А он, Люська, и не думал замечать. Я прямо не знала, что делать. Не будешь же одиноким тополем около его класса торчать, да еще на чужом этаже. Приходилось маскироваться. Хорошо, что на четвертом этаже библиотека была. Так моя подруга Верка Симакова... ну... тетя Вера, которой я поначалу ничего не говорила, в конце концов заметила мой неожиданно

возросший интерес к художественной литературе и потребовала объяснений. В противном случае грозила перестать дружить со мной и начать дружить с Ольгой Третьяковой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.